

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY

УДК 82.091

DOI 10.30914/2072-6783-2022-16-3-371-377

ПОЭЗИЯ КАК УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ЯЗЫК

Д. Н. Гагауллина

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Аннотация. Введение. В статье ведется речь о двойственной и не поддающейся точному описанию природе поэтического слова и, в частности, о том, как тематика тайны словесного творчества и переживания полноты бытия в отдельном «уловленном» мгновении проявляется в стихотворениях Ф. И. Тютчева. **Цель исследования** – проследить, каким образом в лирике Тютчева разнородные явления образуют гармонию поэтического целого, в рамках которого в одном мгновении приоткрывается истина бытия. **Материалом** нашего исследования стали стихотворения Тютчева, в которых отражена тематика тайны происхождения поэзии и особенностей ее бытия в человеческом мире. В работе использовались **методы** литературной герменевтики, контекстуального, интертекстуального и концептуального анализа, направленные на интерпретацию произведений в контексте и мировоззрения автора, и восприятия читателя. **Результаты исследования, обсуждения.** В ходе исследования раскрывается, что противоречия жизни человека, ограниченность в восприятии им мира, конечная смертность при ощущении связи с универсальным, скрытым за покровом повседневности бытием, отчасти снимается с приобщением созерцающей личности к поэтическому языку, представляющему в качестве связующего звена между земным и небесным, природой, человеком и искусством. **Заключение.** В результате проведенной работы мы приходим к выводу, что сам факт существования поэтического творчества, в его нацеленности к гармонии формы и содержания, коммуникации между автором и читателем, вне зависимости от текущей эпохи, позволяет и адресату, и адресанту преодолевать небытие и приближаться к слову истины.

Ключевые слова: слово, молчание, человек, мгновение, истина, бытие, небытие

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гагауллина Д. Н. Поэзия как ускользающий язык // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 3. С. 371–377. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-371-377>

POETRY AS AN ELUSIVE LANGUAGE

D. N. Gataullina

Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic

Abstract. Introduction. The article deals with the dual and indescribable nature of the poetic word, and, in particular, how the theme of the mystery of verbal creativity and the experience of the fullness of being in a separate “captured” moment is manifested in the poems of F. I. Tyutchev. **The purpose** of the study is to trace how in Tyutchev’s lyrics heterogeneous phenomena form the harmony of a poetic whole, within which the truth of being is revealed in an instant. **The material** of our study is Tyutchev’s poems, which reflect the theme of the

mystery of the origin of poetry and features of its existence in the human world. *The methods* of literary hermeneutics, contextual, intertextual and conceptual analysis aimed at interpreting works in the context of both the author's worldview and the reader's perception were used in the work. *Research results, discussions.* The study reveals that the contradictions of human life, limited perception of the world, finite mortality, when feeling connected with the universal being hidden behind the cover of everyday life is partly removed with the familiarization of the contemplative personality with the poetic language, which appears as a link between the earthly and heavenly, nature, man and art. *Conclusion.* As a result of the work carried out, we come to the conclusion that the very fact of the existence of poetic creativity, in its focus on harmony of form and content, communication between the author and the reader, regardless of the current era, allows both the addressee and the addresser to overcome non-existence and approach the word of truth.

Keywords: word, silence, man, moment, truth, being, non-being

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Gataullina D. N.* Poetry as an elusive language. *Vestnik of the Mari State University.* 2022, vol. 16, no. 3, pp. 371–377. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-371-377>

Согласно семиотике Р. Барта, слово есть структура, в которой автор произведения теряет как самого себя, так и связь с реальностью. Постоянно изменяясь, слово становится сверхсловом, что не объясняет мир, а способствует появлению новых вопросов и становится идентичным молчанию. «Парадокс состоит в том, что в силу самоцельности своего материала литература, по существу, работает тавтологически, как кибернетическая машина, созданная для тождества себе (гомеостат Эшби); для писателя вопрос “почему мир таков?” (*le pourquoi du monde*) полностью поглощается вопросом “как о нем писать?”», – заключает автор [2, с. 134].

В рамках поэзии такое «молчание слова» может отчасти преодолеваться совмещением далеко отстоящих друг от друга образов и идей, вплоть до самых парадоксальных сочетаний внутри одного стихотворения. В частности, в творчестве Ф. И. Тютчева практически каждое стихотворение складывалось из самых разнородных элементов впечатлений о мире¹. Эти описания могут противоречить друг другу, поэтому следующее прочтение откроет читателю новые детали, что, в свою очередь, порождает неожиданные толкования. Сама природа поэзии, по Тютчеву, является крайне противоречивым явлением. Лирика – событие из другого мира, по неизвестным причинам сошедшая к людям и несущая важную миссию установления гармонии человека и окружающего мира:

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льет примирительный елей².

Неполнота опыта человека в познании мира, разлад с природой и одновременно бессознательная сильная связь с ней приводит лирического героя к страданию. Он осознает свою смертность и неизбежность слияния с универсальным, с одной стороны, понимая, что только утрата своей единичности поможет ему обрести полное знание о мире, но с другой – желая отстрочить неизбежное. Хотя при этом созерцающий находит эстетическое удовольствие в наблюдении за хрупкостью и увяданием жизни личности [14, с. 69–70]. Смерть неизбежна, но это часть вечно-го круговорота жизни, обновления мира, которому важно вечное движение и развитие, а не трагедия отдельно взятого субъекта:

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом – новый злак
И лист иной³.

¹ Орехов Б. В. Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф. И. Тютчева : дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 177 с. URL: https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/orехов_auto.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

² Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л. : Сов. писатель, 1987. С. 158.

³ Там же. С. 159.

Моменты нахождения на грани бытия и небытия, жизни и смерти дают лирическому герою Тютчева ощущение максимального приближения к «истине бытия». Это чувство выражено и в одном из своих последних стихотворений поэта – «Как нас не угнетай разлука...». В тексте присутствует обращение к двум частым в восточной литературе символам – это колесо жизни и покрывало, скрывающее от человека значительную тайну. В рамках стихотворения этот покров представляется субъекту «полупрозрачным», «дымкой», в то время как душа движется в «колесе недоумений», не в силах покинуть круг и остаться в полной неизвестности [14, с. 128]. И большая часть безличных форм в контексте поэзии Тютчева предвосхищала дальнейший путь отказа автора от онтологической реальности человеческого «я», помимо уже обозначенной коммуникативной несостоятельности личности. От этого состояния остается только шаг до срывания «покрова», скрывающего тайну бытия [14, с. 138]. Созерцая, лирический герой каждый раз предчувствует откровение, которое то и дело от него ускользает.

Тем не менее образ «покрова» присутствовал во многих других стихотворениях Тютчева: «Святая ночь на небосклон взошла...» (Святая ночь на небосклон взошла, // И день отрадный, день любезный, // Как золотой покров, она свила, // Покров, накинутый над бездной)¹; «День и ночь» (Над этой бездной безымянной, // Покров наброшен златотканый, <...> День – сей блистательный покров)²; «Стоим мы слепо пред судьбою...» (Стоим мы слепо пред Судьбою, // Не нам сорвать с нее покров...)³; «Послание Горация к Меценату» (Как! Прах земной объять небесное посмеет? // Дерзнет ли разорвать таинственный покров?)⁴. Постоянство образа свидетельствует о том, что размышления о главной тайне бытия становятся одной из центральных проблем творчества Тютчева, и эта загадка жизни находится настолько же близко, насколько и является для человека неуловимой.

В связи с тем что в лирике Тютчева отражается не только сфера чувств, но и попытка фило-

софского осмысления действительности и стремление постичь гармонию природы, противоречия и разнородные явления в ней образуют единую картину мира. Взаимосвязь всех антитез в поэзии Тютчева, как утверждает Л. Г. Шакирова, основана на том, что система образов и символов у поэта – все выстроенное им художественное пространство – принадлежит и конкретному моменту времени, и вечности [15, с. 65]. В поэтическом мире Тютчева также нет разделения между размышлением и ощущением, умственное усилие не противостоит моменту вдохновения, наоборот, непостижимость явлений и тайна скрытой от глаз основы мира только убеждает поэта во взаимосвязи всех элементов природы и душевной жизни человека, о необходимости как эмпирического, так и интуитивного познания [8, с. 164–166].

Стихотворения Тютчева по большей части рождаются в результате впечатления от максимально яркого переживания, это взгляд на «мотылька полет незримый». По словам М. Г. Мамардашвили, впечатление – это «разбросанные там и сям, по ходу всей жизни, куски фундамента настоящей жизни. Или услышанный нами шелест действительного строения жизни» [11, с. 105]. У Тютчева присутствует особый интерес к отдельному мигу в жизни человека или природы, он нацелен запечатлеть стремительно ускользающий момент, в котором все находится в движении и изменении – это также проявление его желания обнаружить смысл и ценность настоящего времени [14, с. 88].

В ускользающем мгновении поэту приоткрывается сокровенное, которое он спасает от гибели в бесконечном потоке времени, заключая в рамки прозвучавшего поэтического слова. Мотив вдохновения, внезапно приходящего к поэту из небесных сфер, явление «божественного глагола», который придает лирике надперсональный и даже сакральный характер проявляется в мировой культуре с древних времен. Поэтическое слово предстает отзвуком первоначального Логоса, обладающего преобразующей мир и человека силой, в то время как поэт оказывается проводником этого слова, передающим сверхчувственный взвешенный опыт в мир обыденности [6, с. 12–14]. Посредством особых мгновений, пережитых во время душевного подъема человек приближается к истине, что можно рассматривать как естественное проявление гармонии в повседневной суете. Тютчев рассказывает об этом

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л. : Сов. писатель, 1987. С. 162.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же. С. 48.

поэтическим языком, перенося преходящие ощущения в область онтологического постижения мира:

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!¹

Поэзия Тютчева предполагает такой же мгновенный ответ, как и описанное впечатление, так как срок человеческой жизни краток, а положение субъекта по отношению к поглощающей его бесконечности пространства и времени крайне непрочно. В связи с этим поэт стремится целиком вместить свое «я» во впечатление минуты, совмещая пришедшее с предыдущим чувственным опытом – так он надеется примирить осознание своей единичности с бесконечностью, стараясь реализовать все вариации жизненного опыта в художественном слове [3, с. 187].

Само по себе понимание времени у Тютчева тождественно «возможному горизонту понимания бытия» М. Хайдеггера: понимание реализуется в пределах художественного произведения, где происходит улавливание присутствия бытия в мгновении. Происходящее не описывается собственно поэтом, так как неподвластно точному выражению с позиции наблюдателя:

Так, в жизни есть мгновения –
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать².

Единый мир у Тютчева создается сочетанием крайне индивидуального и предельно универсального. Лирический герой в рамках одного и того же текста может как растворяться в окружающем мире, так и переживать общее как абсолютно личное чувство [10, с. 560]. Прежде чем полностью слиться с космическим, человек успевает оставить свой след в жизни универсума, передавая ему собственные существенные черты. Тютчев описывает это состояние следующим образом:

Час тоски невыразимой!..
Все во мне и я во всем!³

Все же в центре лирики Тютчева находится не безличное начало, а человек, в чьем внутреннем

пространстве происходит борьба вселенских сил, разрушительных и созидających. Лирический герой подвергается покушению со стороны внешних сил и страдает от конфликтов в собственном душевном мире, он осознает себя тем, кто способен осмыслить происходящее и уловить мгновение прекрасного [12, с. 15]. Д. Д. Благой пишет о наличии «гипертрофированного одинокого “я” поэта», которое изнемогает «под своим собственным бременем» [4, с. 31]. Бремя постоянной саморефлексии и самоанализа, которое присутствует в большинстве стихотворений Тютчева, в итоге приводит к ощущению разрыва одинокой человеческой души с окружающим миром.

Молчание приравнивается к самоотрицанию индивидуальности, добровольному уходу в небытие, полному слиянию с окружающим пространством. В противоположность всему перечисленному высказывание, и особенно поэтическое творчество, служит самопределиению человека, выделению своей личности из всего остального мира [7, с. 17]. Субъект осознает себя единственным в своем роде, и человеческое «я» все время находится на грани исчезновения: его может поглотить бездна [9, с. 35]. Однако Тютчев не приемлет поклонения «я» отдельного человека, считая это отступлением от истины:

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я <...>⁴.

Но и обличая самоуверенность человека, Тютчев не утверждает совершенного бессилия личности как творца. Стать автором великих открытий, оставить свой неповторимый след в истории можно созидая, находясь в поиске гармонии с окружающим миром:

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...⁵

Несмотря на преобладающее чувство одиночества и заброшенности лирического героя, у Тютчева индивидуальное и общее оказываются нераздельно связаны. Л. В. Пумпянский отмечает: в творчестве Тютчева заключен парадокс, согласно которому причастность к «божески-всемирной» жизни полностью переживается в пределах мгновения «жизни частной». Помимо того, ценность уходящего мига бытия осознается

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 222.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Там же. С. 150.

лишь на фоне отстраненных, равнодушных к человеку космических ритмов [13].

В остановленном в рамках стихотворения мгновении ощущается полнота потенциального движения, формируется положение, внутри которого воспринимающий субъект предполагает особую значимость. Тем самым порождается нацеленность на проникновение в скрытые слои произведения, чтобы понять и скрытые в изображении намеки [1, с. 28]. О том, что идеальное понимание – это самопонимание, писал еще Д. Дидро, касательно же влияния поэзии на читателя, можно предположить логическую суггестию, так как передать смысл от адресата воспринимающей стороне без искажений нельзя [5].

Поэт в первую очередь повествует о своем времени и о силе человеческого духа через историю собственной души, беспокойной и отзывающейся на различные импульсы внешнего мира. Безысходное страдание и восторженное упоение жизнью идут рука об руку, сменяя друг друга иногда в пределах одного стихотворения [12, с. 14]. Ускользание прекрасного мгновения здесь приравнивается к будущей утрате остальных составляющих человеческой личности: памяти, опыта, остроты ощущений:

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!

Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь¹.

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 222.

Как отмечал Г. Бенн, «стихотворение готово еще до начала: автор просто не знает текста» [5]. Словесная форма здесь предстает попыткой сохранить внезапно возникшее откровение, которое не разгадка мироздания, а бесконечное приближение к ней:

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
Но бред пророческий духов...²

Потому в поэзии так остро стоит вопрос о соотношении речи и молчания, того, где исчерпываются возможности звучащего слова и возникает пауза. С. Малларме именовал поэзию «молчаливым полетом в абстрактное», «угасанием», волшебством, в котором слова «снова уходят в молчаливый концерт, из которого они пришли». Согласно рассуждениям автора, опыт небывалого восхождения в словесном выражении, с чем мы сталкиваемся в поэтическом тексте, приводит к последующему ощущению недостаточности языка [5]. Существование словесного творчества обнаруживает не только возможности слова в отображении мира, но и недостатки такого способа.

Таким образом, мы видим, что «истина бытия», к которой устремлен поэт, хоть и остается для него неразрешимой загадкой, однако являет себя самой возможностью словесного творчества, в гармонии его формы и содержания, в чувствах, которые испытывал создатель произведения и в отклике, порождаемом стихотворением в читателях. Поэзия исходит из области молчания и возвращается туда же, оставляя наблюдателю возможность познавать мир через анализ своих ощущений в отношении ускользающего «прекрасного мгновения».

² Там же. С. 189.

1. Альми И. Л. О поэзии Тютчева: символ, аллегория, миф // Русская литература. 2007. № 2. С. 42–64. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026324&archive=1205324254> (дата обращения: 12.04.2022).

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

3. Берковский Н. Я. О русской литературе: сб. ст. Ленинград: Худож. лит., 1985. 381 с.

4. Благой Д. Д. Жизнь и творчество Тютчева: [Вступ. ст.] // Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 7–66.

5. Гуго Ф. Структура современной лирики: от Бодлера до середины двадцатого столетия / пер. с нем. и коммент. Е. В. Головина. М.: Яз. славянских культур, 2010. 341 с. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/fridrih-strukturaliriki/index.htm> (дата обращения: 17.04.2022).

6. Иванов А. В. Три истока поэтического творения // Идеи и идеалы. 2020. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-istoka-poeticheskogo-tvorenija> (дата обращения: 05.05.2022).

7. Калашников С. Б. Лирическая модель Тютчева // Вестник ВолГУ. 2003–2004. Серия 8. Вып. 3. С. 16–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskaya-model-tyutcheva> (дата обращения: 12.04.2022).
8. Левит С. Я. Поэтическая философия Ф. И. Тютчева // Вестник культурологии. 2020. № 1 (92). С. 162–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-filosofiya-f-i-tyutcheva> (дата обращения: 06.05.2022).
9. Леушева С. Ю. Сфера невыразимого в лирике Ф. Тютчева и К. Бальмонта // Вестник ЧГУ. 2010. № 4. С. 34–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sfera-nevyrazimogo-v-lirike-f-tyutcheva-i-k-balmonta> (дата обращения: 20.04.2022).
10. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / вступ. ст. М. Л. Гаспарова. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 848 с.
11. Мамардашвили М. Г. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени» / под общ. ред. М. Д. Сенокосова. СПб. : РХГА, 1997. 473 с.
12. Петрова И. В. Мир, общество, человек в лирике Тютчева // Фёдор Иванович Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гос. лит. музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева. М. : Наука, 1988. Кн. 1. С. 13–69.
13. Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Уралия: Тютчевский альманах. Ленинград, 1928. С. 9–57.
14. Созина Е. К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа): сб. науч. трудов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 54–148.
15. Шакирова Л. Г. Символика времени и вечности в лирике природы Ф. И. Тютчева // Два века. 2021. Т. 3. № 2. С. 62–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-vremeni-i-vechnosti-v-lirike-prirody-f-i-tyutcheva> (дата обращения: 05.05.2022).

Статья поступила в редакцию 17.05.2022 г.; одобрена после рецензирования 16.06.2022 г.; принята к публикации 23.06.2022 г.

Об авторе

Гатауллина Динара Назифовна

аспирант, Донецкий национальный университет (283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1633-266X>, amarella003@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Almi I. L. O poezii Tyutcheva: simbol, allegoriya, mif [On the types of artistic comprehension of reality in the poetry of F. I. Tyutchev: symbol, allegory, myth]. *Russkaya literatura* = Russian literature, 2007, no. 2, pp. 42–63. Available at: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026324&archive=1205324254> (accessed 12.04.2022). (In Russ.).
2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics], comp., general ed. and intro. art. of G. K. Kosikova; trans. from Fr. M., Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.).
3. Berkovsky N. Ya. O russkoi literature: sb. st. [On Russian literature: col. of art.]. L., Fiction Publ., 1985, 381 p. (In Russ.).
4. Blagoy D. D. Zhizn' i tvorchestvo Tyutcheva: vstup. st. [Tyutchev's life and work: Introd. art.]. *Tyutchev F. I. Poln. sobr. stikhotvorenii* = Tyutchev F. I. Full coll. of poems: in 2 vols., M., 1994, vol. 1, pp. 7–66. (In Russ.).
5. Gugo F. Struktura sovremennoi liriki: ot Bodlera do serediny dvadtsatogo stoletiya [The structure of modern lyrics: from Baudelaire to the middle of the twentieth century], transl. from German and com. of E. V. Golovin. M., Lang. of Slavic cultures Publ., 2010, 341 p. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/fridrih-struktura-liriki/index.htm> (accessed 17.04.2022). (In Russ.).
6. Ivanov A. V. Tri istoka poeticheskogo tvoreniya [Three origins of poetry]. *Idey i idealy* = Ideas and Ideals, 2020, no. 4–2, pp. 162–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-istoka-poeticheskogo-tvoreniya> (accessed 05.05.2022). (In Russ.).
7. Kalashnikov S. B. Liricheskaya model' Tyutcheva [Tyutchev's lyrical model]. *Vestnik VolGU* = Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism, 2003–2004, series 8, issue 3, pp. 16–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskaya-model-tyutcheva> (accessed 12.04.2022). (In Russ.).
8. Levit S. Ya. Poeticheskaya filosofiya F. I. Tyutcheva [Poetic philosophy of F.I. Tyutchev]. *Vestnik kul'turologii* = Herald of Culturology, 2020, no. 1 (92), pp. 162–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-filosofiya-f-i-tyutcheva> (accessed 06.05.2022). (In Russ.).
9. Leusheva S. Yu. Sfera nevyrazimogo v lirike F. Tyutcheva i K. Bal'monta [The sphere of the inexpressible in the lyrics of F. Tyutchev and K. Balmont]. *Vestnik ChGU* = Cherepovets State University Bulletin, 2010, no. 4, pp. 34–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sfera-nevyrazimogo-v-lirike-f-tyutcheva-i-k-balmonta> (accessed 20.04.2022). (In Russ.).
10. Lotman Yu. M. O poetakh i poezii: analiz poeticheskogo teksta. Stat'i i issledovaniya. Zametki. Retsenzii. Vystupleniya [About poets and poetry: analysis of the poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Speeches], intro. art. of M. L. Gasparov. SPb., Iskustvo-SPb Publ., 1996, 848 p. (In Russ.).
11. Mamardashvili M. G. Psikhologicheskaya topologiya puti, M. Prust “V poiskakh utrachennogo vremeni” [Psychological topology of the path: M. Proust “In Search of Lost Time”], under gen. ed. of M. D. Senokosov. SPb., RKHGA Publ., 1997, 473 p. (In Russ.).

12. Petrova I. V. Mir, obshchestvo, chelovek v lirike Tyutcheva [World, society, man in Tyutchev's lyrics]. Fedor Ivanovich Tyutchev, USSR Academy of Sciences. Institute of world literature named after A. M. Gorky, State lit. museum estate "Muranovo" named after. F. I. Tyutchev. M., Nauka Publ., 1988, Book. 1, pp. 13–69. (In Russ.).
13. Pumpyansky L. V. Poeziya F. I. Tyutcheva [Poetry of F. I. Tyutchev]. *Uraniya: Tyutchevskii al'manakh* = Uraniya: Tyutchev's almanac. L., 1928, pp. 9–57. (In Russ.).
14. Sozina E. K. Diskurs soznaniya v poeticheskom mire Tyutcheva [The discourse of consciousness in the poetic world of Tyutchev]. *Evolutsiya form khudozhestvennogo soznaniya v russkoi literature (opyty fenomenologicheskogo analiza): sbornik nauchnykh trudov* = Evolution of forms of artistic consciousness in Russian literature (experiments of phenomenological analysis): collection of scientific papers. Yekaterinburg, Ural Un-ty Publ. house, 2001, pp. 54–148. (In Russ.).
15. Shakirova L. G. Simvolika vremeni i vechnosti v lirike prirody F. I. Tyutcheva [Symbols of time and eternity in F. I. Tyutchev's nature lyrics]. *Dva veka russkoi klassiki* = Two centuries of the Russian classics, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 62–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-vremeni-i-vechnosti-v-lirike-prirody-f-i-tyutcheva> (accessed 05.05.2022). (In Russ.).

The article was submitted 17.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 23.06.2022.

About the author

Dinara N. Gataullina

Postgraduate student, Donetsk National University (24 Universitetskaya St., Donetsk 283001, DPR),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1633-266X>, amarella003@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.